

№ 2.

ФЕВРАЛЬ.

Русскія Записки

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

№ 2

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, № 21—28, сѣб. д.
1915.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ.

Русскія Записки

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1915.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на **1915** годъ

на новый литературный, научный и политическій журналъ

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“,

издаваемый **Н. С. РУСАНОВЫМЪ.**

Журналъ выходитъ въ Петроградѣ ежемѣсячно, книжками отъ 20 до 25 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—**12** руб., на 6 мѣсяцевъ—**6** руб., на 3 мѣсяца—**3** руб., на 1 мѣсяць—**1** руб.

За границу: на годъ—**15** руб., на 6 мѣсяцевъ—**8** руб.

Безъ доставки: на 1 годъ—**11** руб., на 6 мѣсяцевъ—**5** руб. **50** коп., на 3 мѣсяца—**2** руб. **75** коп., на 1 мѣсяць—**1** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петроградѣ: въ книжномъ магазинѣ „Провинція“ (Стремянная, 6).

Въ Москвѣ: въ книжномъ складѣ „Задруга“ (М. Никитская, д. 29, кв. 6).

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги и корреспонденцію **исключительно** по адресу: редакция „Русскихъ Записокъ“, Петроградъ, Широкая ул., 9.

Уступка книжнымъ магазинамъ, земскимъ складамъ, потребительнымъ обществамъ и комиссіонерамъ по приему подписки—при уплатѣ денегъ за годъ или за полгода—**5%**.

За каждую перемѣну адреса слѣдуетъ прилагать **25** коп. (можно почтовыми марками) и указывать № бандероли или свой прежній адресъ.

При всѣхъ запросахъ контора редакціи проситъ присылать марку на отвѣтъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

1. Учительница Немакина. *С. Кондурушкина*. 1—12
2. Герцень и германская государственность. *Евг. Тарле*. 13—43
3. Стихотвореніе. *Е. Федоровой*. 43
4. „Villa des roses“. *С. Ра-вичъ*. 44—53
5. Стихотвореніе. *Н. Шрейтера*. 53
6. Тиль Уленшпигель. Романъ *Шарля де-Костера*.
Пер. *В. Ю. Коршанъ*. 54—120
7. *Грѣхъ. А. Насимовича*. 121—142
8. *Жанъ Жорэсъ, какъ борець и мыслитель. Е. Сталинскаго*. 143—175
9. Среди иллюзіи. *А. Рѣдько*. 176—195
10. Стихотвореніе. *Н. Шрейтера*. 195
11. Около войны. *Ө. Крюкова*. 196—212
12. Осенью. Стихотвореніе. *Леонида Б.*. 212
13. Солдаты. Наброски. *С. Елпатыевского*. 213—223
14. Государственная хлѣбная монополія въ Германіи.
Я. Неволіна. 223—235
15. Галиціе украинцы и русскій національ-либераль.
В. Мякотина. 235—254
16. Иностранная лѣтопись. Проекты борьбы Англій противъ германской хлѣбной монополіи.—Рабочій классъ Великобританіи о государственной монополіи.—Итальянскія партіи и настроенія въ вопросѣ о войнѣ.—Основы германофильства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—Событія седьмого мѣсяца войны. *Н. С. Русакова*. 255—285
17. Внутренніе дѣла и вопросы. I. О репутаціи торгово-промышленнаго класса. — II. Городскія управления и дороговизна.—III. Черты общественныхъ настроеній. Курортныи съѣздъ. Новый ми-

ОКОЛО ВОЙНЫ.

IV 1).

Самое замѣтное, прежде всего осязаемое преображеніе, внесенное въ народную жизнь войной, чувствуется въ томъ, что она ввела въ старый кругозоръ широкое новое содержаніе, новые термины и свѣдѣнія, раздвинула его, стиснутый буднями, мелкой суетой, обыденными крохотными интересами, до предѣловъ ранѣе невѣдомыхъ. Даже въ глухихъ, первобытныхъ уголкахъ, въ умахъ самыхъ дѣвственныхъ и элементарныхъ свое кровное, близкое, переплеталась съ вопросами, поставленными войной, оказалось вдругъ рядомъ, въ непосредственной и ясно ощутимой связи, съ чужимъ, невообразимо далекимъ, свои семейныя, деревенскія тревоги, печали и чаянія спаялись съ тревогами и надеждами какихъ-то народовъ, имена которыхъ раньше какъ будто и до слуха не доходили... И деревенское вниманіе вышло изъ тѣсной околицы, чтобы приковаться къ болѣе широкому и далекому — къ участи родной земли, къ судьбамъ чужихъ народовъ и — можетъ быть — къ судьбѣ всего человѣчества...

Правда, для миллионовъ, какъ для дѣтей, сложный и запутанный узелъ нынѣшнихъ отношеній между народами представляется въ очень упрощенномъ и ясномъ видѣ: одинъ изъ королей, всегда — въ представленіи народномъ — склонныхъ къ спортивнымъ упражненіямъ, захотѣлъ хвастнуть силой и затѣялъ драку; другимъ и не въ охоту, а отбиваться надо. Забава эта и подданнымъ короля и другимъ народамъ несетъ неисчерпаемое горе, слезы, бѣдствія, а дѣться некуда. Скоро или нѣтъ удастся унять драчуна — вотъ вопросъ, занимающій сейчасъ всѣ умы, волнующій одинаково и дряхлыхъ стариковъ, и молодыхъ бабъ, отцовъ и дѣтей, городскіе низы и деревню, грамотѣевъ, читающихъ газету, и темныхъ людей, ловящихъ налету случайный слухъ, случайную вѣсть... И можно рѣшительно утверждать, что нѣтъ нынѣ человѣка, который не интересовался бы политикой...

Глухой Петровичъ, мой возница, обычно сосредоточенный и

1) „Русскія Записки“ № 2, декабрь 1914.

молчаливый, какъ всѣ глухіе люди, въ прежнее время за всѣ 50 верстѣ до станціи ронявшіи два-три незначительныхъ вопроса,—теперь, какъ только мы поднялись на изволокъ и, вмѣсто голыхъ вербовыхъ рожицъ, раскинулася передъ нами безбрежная пахоть, чуть прикрытая тающимъ снѣжкомъ, обернулся съ козелъ и спросилъ тономъ заинтересованнаго человѣка:

— Японцы взяли Циндало?

— Взяли.

Онъ одобрительно кивнулъ головой. Помолчалъ. И прибавилъ съ горечью:

— А мы вотъ Перемышль все не возьмемъ...

У него были взяты на войну два сына. Одинъ сражался на Карпатахъ, другой стоялъ еще здѣсь, на сборномъ пунктѣ, на той самой станціи, куда мы ѣхали. Мнѣ думалось, что сердцемъ Петровичъ побаливалъ прежде всего о нихъ, а Перемышль—между прочимъ. Хотѣлъ было я спросить у него, пишетъ ли сыпъ съ австрійскаго фронта, но разговаривать съ глухимъ было трудно, надо было громко кричать,—и я не спросилъ.

— Вотъ народъ—японцы!—заговорилъ снова мой возница, повернувшись ко мнѣ бокомъ на козлахъ: — ростомъ съ сидячую кошку, поглядѣть нечего, а поди какъ воюетъ! диковина одна!.. Насъ тогда обобралъ, какъ липку, а теперь нѣмца обставилъ. Говорятъ, Циндало-то этотъ весь на минахъ былъ, чуть не успѣлъ нѣмецъ его взорвать... А не успѣлъ!

Онъ обернулся къ лошадямъ, помахалъ надъ ними кнутомъ, поправилъ сбившуюся на бокъ шлею у одной и повторилъ съ видимымъ удовольствіемъ:

— Не успѣлъ!

Нѣсколько минутъ спина его въ дубленомъ тулупѣ безмолвно качалась передъ моими глазами, шипѣлъ мокрый снѣгъ подъ полозьями, дробно чмокали копыта лошадей по разбитой дорогѣ. Молчалъ Петровичъ. И опять мнѣ казалось, что думы его должны быть около сыновей, взятыхъ на войну, или около своихъ домашнихъ дѣлъ. Но онъ, какъ бы желая показать, что я ошибаюсь, неожиданно обернулся опять и тихо, съ таинственнымъ видомъ, сказалъ:

— Австріякъ—говорятъ—черезъ Америкъ просить мира...

И поглядѣлъ на меня вопросительно своими мягкими голубыми глазами.

— Не читалъ,—отвѣтилъ я.

— Ась?

— Не знаю, — прокричалъ я, чтобы слышно было ему сквозь ровное шипѣніе полозьевъ:—не слыхалъ объ этомъ...

— Говорить: нѣмецъ, молъ, меня съ моимъ войскомъ толкалъ все впередъ и впередъ на русскихъ, и сколько—молъ—я войска по-

ложилъ черезъ него! Оголодиль страну свою, осиротилъ малыхъ дѣтей... Вся земля моя залита кровью и слезами...

Петровичъ говорилъ тихо, грустнымъ голосомъ, и глядѣлъ не на меня, а вдаль, на голыя, взмокшія поля, съ которыхъ слѣзаль снѣгъ,—и чувствовалось, что ему какъ будто жалко австрияка.

— Сталь—моль—говорить нѣмцу: давай мириться съ русскими,—куда! задралъ свое копало кверху... гордый человѣкъ!..—безнадежно махнулъ плутомъ Петровичъ:—давай—говорить Америку австриякъ—сѣдемся на конгрессу, поговоримъ насчетъ мира... Сѣѣхались. Стали говорить,—вотъ и нѣмецъ: „начну“—говорить—„я въ васъ палить!..“ Тутъ ужъ и Америкъ осерчалъ:—„а коль такое дѣло“—говорить—„задираешь свое копало на всѣхъ, такъ смотри — говорить — выбирай, куда свои сопля откинуть! Какъ начну я тебя молотить“...

Разсмѣлся мой собесѣдникъ очень одобрительно и, обернувшись къ лошадямъ, которые какъ будто прислушивались къ его повѣствованію, потому что перешли съ рыси на шагъ, подвеселилъ ихъ кнутикомъ. Встрѣтилась вереница саней, возвращавшихся изъ Михайловки, — на нѣкоторыхъ сидѣли въ зипунахъ наши станичные казаки. Объѣзжая, Петровичъ крикнулъ:

— Ну какъ тамъ наши? живы?

Что-то закричали съ саней, чего за шумомъ полозьевъ мы не разслышали. Но Петровичъ кивнулъ все-таки головой, какъ бы удовлетворенный отвѣтомъ и, обернувшись, скавалъ довольнымъ голосомъ:

— Такъ вотъ, теперь и Америкъ за насъ...

Возражать была лѣнь, я тоже кивнулъ утвердительно головой, оставляя Петровича въ непоколебимой увѣренности касательно этого самаго „Америка“. Мы помолчали.

— Все ловко онъ, нѣмецъ, къ войнѣ подготовилъ,—снова заговорилъ Петровичъ:—плуга у него паромъ работаютъ, не борозды, а прямо — бацавы выворачиваютъ. Ну, по своей землѣ пахать—ничего, а на нашей—ревать: сила не беретъ...

И опять съ видомъ неодолимаго превосходства онъ разсмѣлся.

— Замысловатый царь,—что и говорить! Да намъ, простякамъ, Господь помогаетъ!..—самоувѣреннымъ тономъ прибавилъ онъ.—Я хоть и глухой, а разъ слыхалъ—играли пѣсню: англичанка—говорить—машину на всѣ работы выдумываетъ, чтобы легче было, а мы—говорить—русскіе возьмемъ дубицу, потянемъ да какъ ухнемъ! Уханьемъ беремъ, — вотъ оно какъ дѣло-то!.. Ухнемъ—говорить...

Подвигая я тутъ, признаться, не столько необычной разговорчивости Петровича, сколько этому его тону националистической самоувѣренности, который былъ невѣдомо гдѣ имъ усвоенъ.

Спять встрѣтили вереницу саней и опять Петровичъ закри-

чалъ въ спину проѣзжавшимъ казакамъ:—ну какъ тамъ наши? Одинъ обернулся и прокричалъ:

— Семьдесятъ первую давеча проводили, а ночью семьдесятъ вторая будетъ грузиться...

Петровичъ подумалъ и утвердительно кивнулъ головой. Я былъ увѣренъ, что онъ не разслышалъ отвѣта. Семьдесятъ вторая сотня была наша, глазуновская, та самая, въ которой состоялъ его сынъ. Судя по отвѣту, она ночью должна была куда-то двинуться. А Петровичъ такъ спокойно и равнодушно отнесся къ сообщенію объ этомъ.

— Да, наши ухнутъ,—сказалъ онъ снова.

Но я перебилъ:

— Твой Семень въ семьдесятъ второй?

— Самая наша сотня—семьдесятъ вторая...

— Слышалъ, что говорили: нынче ночью выступаютъ...

— Ну?!—тревожно изумился онъ и сразу подобралъ вожжи:— кабая бѣда!.. Да, вѣдь, ему теперь деньжонокъ надо, небось!.. Хотъ бы поспѣть...

Онъ погналъ лошадей,—до станціи оставалось еще верстъ двадцать, а было уже часа три пополудни и дорога, испорченная оттепелью, была не легка. Знакомыя поля, теперь унылыя, мокрыя, обнажившія изъ-подъ рыхлаго, слѣзающаго снѣга черныя комья пашни, нескоро выпустили насъ изъ своихъ нѣмыхъ объятій. Знакомыя балочки, буераки, корявыя мокрыя яблоньки медленно пробѣжали передъ нами обычной чередой. Прогремѣлъ мостъ черезъ безводную рѣчку Кобылинку. Выбрались на гребень горы,—точнѣе—отлогихъ холмовъ надъ Медвѣдицей,—и вдали, внизу, увидѣли свѣтлыя, расплывшіяся пятна фонарей на станціи.

Все-таки поспѣли во-время. Воинскій поѣздъ—длинный рядъ красныхъ вагоновъ съ лошадьми и людьми—уже былъ готовъ, посадка закончилась. Петровичъ привязалъ лошадей и побѣжалъ на говарную площадку, гдѣ въ густомъ, тепломъ туманѣ, чуть освѣщенномъ оранжевыми пятнами фонарей, толклись голоса провожающихъ и уходящихъ. Пырскали лошади въ вагонахъ и тамъ же звенѣлъ дѣтскій плачь. Въ одномъ занималась и ровно плыла протяжная пѣсня, — пѣли мужскіе голоса, а на подголоскахъ разливался прекрасный женскій голосъ — контральто. Было странное очарование въ этой широкой симфоніи встревоженной жизни, многоголосомъ говорѣ, звучныхъ перебиваніяхъ, въ конскомъ фырканьѣ и топотѣ въ вагонахъ, въ тоскующихъ передивахъ пѣсни...

Черно и нѣмо было за вагонами. За кучами старыхъ шпаль, сваленныхъ за полотномъ, чуть видѣлся рядъ саней. Мокрыя, непокрытыя лошадки мѣрно жевали сѣно. Нагольнныя овчинныя шубы, сѣрыя рубахи, дубленые тулупы, папахи, платки—все пестро переплелось, двигалось, стояло, говорило, плакало... Дѣтишки сиротливо жалась къ шароварамъ съ красными лампасами. Тоской

разставанья насыщенный былъ туманъ, повисшій надъ мокрой печальной землей.

— Садись либо, кума, къ намъ, стряпухой будешь...

— Да я бы скрозь съ вами согласна ѣхать, чѣмъ какъ тутъ оставаться... Вотъ вѣдь ихъ—четверо... Ковалокъ добрый... Чего я съ ними одна? куда?

Пересыпался говоръ простой и будничной. Внизу передъ вагонами стояли кучки бабъ. Изъ дверей вагоновъ вмѣстѣ съ лошадиными мордами глядѣли бородатые лица.

— Скажи тамъ мамушкѣ: пушай какой припасенный цѣлковый изъ узла вывяжетъ да молебень отслужить...

— Я поѣду съ тобой, мое сердечушко!

— Ну вотъ! глупая! Тебя подъ строй не возьмутъ, а съ меня и гнѣдого достаточно...

— Такъ пропиши же тамъ, Федотычъ, гляди...

Ко мнѣ подошелъ бородатый Егоръ Травинъ, сосѣдъ и старый пріятель. У него оставалась дома куча дѣтей да передъ самымъ выходомъ жена на сборномъ пунетѣ родила ему еще сына. Я посмотрѣлъ на его унылое лицо, вспомнилъ самоувѣренныя разсужденія Петровича о томъ, что намъ Господь помогаетъ, а нѣмцу—нѣтъ,—и грустно стало мнѣ.

— Что-жь, тебя никто не пріѣхалъ проводить?—спросилъ я стараго пріятели.

— Да изъ станицы никого почти и нѣтъ. Сразу подхватили, не успѣли и переказать. Съ ближнихъ хуторовъ, съ степныхъ пріѣхали — имъ вотъ, возлѣ, а изъ станицы никого не видать. Одинъ у насъ—съ Зимняка—мотобиль нанялъ за двадцать рублей да сбѣгалъ домой попрощаться. Давеча въ вагоны ужъ посадились, а онъ летитъ на немъ назадъ, бу-у-нить!.. Командиръ его мылиль-мылиль... Смѣху было!..

Сотенный командиръ, есауль, похожій усами и животомъ на Тарасу Бульбу, какъ его изображаютъ на картинкахъ, заломивъ сѣрую папаху на затылокъ и сдвинувъ папиросу въ уголокъ рта, ходилъ медленнымъ, грузнымъ шагомъ вдоль поѣзда. Изрѣдка останавливался и кричалъ разбитымъ, огорченнымъ голосомъ:

— Отойди отъ вагоновъ, бабы! Не лѣзть! Старики, подалше съ путей!..

Но его никто не слушалъ. Старики въ тулупахъ толпились на путяхъ. Бабы, подсаживаемыя снизу, влѣзали въ вагоны съ дѣтишками, съ сумами, узлами...

— Да отойдите же, такъ вашу разъѣтакъ! — стоналъ есауль. Но видно было, что онъ просто облегчалъ лишь себя крѣпкимъ словомъ и тутъ же забывалъ о непослушныхъ бабахъ.

— И чего ореть? — вздохнулъ Егоръ;—куняку насосался и ореть... Надоѣлъ, чертъ: одно знаетъ—орать... Кому достались командиры—одно слово: отцы родные! умереть съ такими не жалко,

А у насъ—дуроломъ какой-то... Сказано: съ плохой головой ногамъ тошно... Хлебанемъ мы съ нимъ горя...

Трубачъ заигралъ сигналъ. Звонкіе бойкіе звуки, обгоняясь и рѣзво перекатываясь, побѣжали вдоль вагоновъ за кучи старыхъ шпаль, въ черную, сырую тьму ночи. Протяжный, высокій звукъ, которымъ закончили трубачъ, прозвенѣлъ грустно и нѣжно, какъ прощальный зовъ. Смолкъ. Звенѣлъ дѣтскій плачъ въ вагонахъ, ровно и плавно лилась протяжная пѣсня.

— Провожаящіе, выходи! — свирѣпымъ голосомъ закричалъ есаулъ:—дежурный по сотнѣ!

Кто-то невидимый впереди есаула подхватилъ этотъ хриплый вопль и звонко повторилъ:

— Дежурный по сотнѣ!

И изъ вагона въ вагонъ побѣжалъ этотъ дружно подхватываемый крикъ: — „дежурный по сотнѣ!“ Егоръ Травинъ поклонился мнѣ въ ноги и сказалъ:

— Ну, простите Христа ради, О. Д.

И мы троекратно облобызались. Знали мы оба—и онъ и я,— что ѣдемъ въ одну сторону, не разъ еще увидимся, но чувствовалась, вѣрно, какая-то необходимостъ въ этомъ прощальномъ церемониалѣ, освященномъ традиціей казацкаго быта: ему—поклониться въ ноги, мнѣ—дать какую-то мелочь на нужду и сказать обычное напутствіе:

— Ну, служи молодцомъ, Егорушка! Да не тужи... Или ты не казакъ? Что носъ-то повѣсилъ?

— Да я ничего. Животомъ нездоровъ всю недѣлю... А тужить не тужу...

— Бабы, отойдите прочь отъ вагоновъ!—закричалъ командиръ:—трубачъ!..

Опять зазвенѣла труба. И еще не угасъ въ сырой тьмѣ послѣдній звукъ ея, высокій, тонкій, призывный,—грустно лягнули дѣни, зашѣли колеса, тихо тронулся поѣздъ подъ горькое причитаніе низкаго женскаго голоса, подъ дѣтскій дружный плачъ въ голосахъ, подъ крики „ура“ и звуки печальной пѣсни. Побѣжали за вагонами, тяжело и безнадежно, двѣ женскихъ фигуры въ нагольныхъ длинныхъ бѣлыхъ шубахъ. Протянули руки. Высунулась рука изъ послѣдняго вагона, успѣла пожать протянутыя руки короткимъ пожатіемъ. Кто-то взмахнулъ сѣрой шапкой... И рыдающій зовъ отвѣтилъ на это прощальное привѣтствіе:

— Да родимый ты мой Сте-пуш-ка-а!..

Ускорилъ ходъ, застучалъ, загремѣлъ поѣздъ. Черезъ минуту утонули огни его въ густой влажной мглѣ. Чудилась еще какъ будто горькая пѣсня разлуки, но это былъ обманъ слуха.

На рельсахъ осталась разномастная, разновозрастная толпа. Все больше женщины и дѣти, изрѣдка старики въ дубленыхъ тулупахъ. Какъ бы по инерціи, брели разорваннымъ строемъ вслѣдъ

скрывшемуся поѣзду. Слышался плачь ребячій и тихое женское причитаніе. Мальчикъ въ сѣрой шинелькѣ и въ папахѣ съ краснымъ верхомъ устало бѣжалъ впереди толпы и надрывнымъ голосомъ кричалъ:

— Да родимый ты мой батюнюшка! Да когда ужъ я тебя увижу-то!..

И, едва поспѣвая за нимъ, старикъ въ тулупѣ съ распахнутыми лапами безсильно уговаривалъ его:

— Сынокъ, буде!.. Буде, сердешный мой, буде, чадушка!..

И, безпомощно оглядываясь, хлопалъ о полы руками:

— Нипкакъ ничѣмъ не утолишь... вотъ грѣхъ какой!—кричить и все...

И въ той же черной, влажной мглѣ, за гранью оранжевыхъ огней, которая проглотила поѣздъ съ бородатыми казаками, медленно утонула разномастная толпа бабъ, дѣтей и стариковъ въ тулупахъ, ушла съ своей тоской и слезами къ понурымъ лошадакамъ, ожидавшимъ за пакгаузами, за кучей старыхъ шпаль. На рельсахъ осталось нѣсколько одинокихъ фигуръ. Постояли въ раздумьи, словно соображая, куда себя дѣть, и пошли въ ту же сторону. Одна отдѣлилась въ мою сторону, подошла къ мокрой платформѣ и, не разыскивая ступеней, тяжело вскарабкалась на нее.

— Крику-то... ажъ кожа отстаетъ...

Преде мной былъ Петровичъ. Почему-то показалось мнѣ, что сталъ онъ меньше ростомъ и въ голосѣ слышалась какая-то трещинка.

— Иная обхватила нятерыхъ въ кучу, другая — четверыхъ, кричать... Вотъ проклятый Вильгельма... какихъ слезъ надѣлалъ...

Онъ отвернулся, высморкался пальцами и что-то долго глядѣлъ въ черную тьму за деревьями. И уже не былъ похожъ на того самоувѣреннаго Петровича, который съ веселой, побѣдоносной улыбкой говорилъ три часа назадъ:—наши ухнуты!

V.

Прошли передъ глазами пустынные, унылыя степи, нарядныя горы и море, города, и села, станицы и аулы,—тысячи верстъ,— прежде чѣмъ удалось мнѣ добраться до войны. Промелькнули, какъ въ калейдоскопѣ, тысячи лицъ, живописныя группы, сцены, трогательныя и смѣшныя, измятыя солдатскія шинели, халаты азіатовъ, мужицкіе полусубки съ бѣлыми пятнами заплатъ, армяки, пиджаки, бурки... Юныя лица новобранцевъ, глаза, наполненные слезами... Темныя, завѣтренныя рыболовы, возвращавшіеся съ моря послѣ пятидневнаго скитанія на льдинахъ — сотни ихъ погибли, затертыя ледоходомъ,—скуластыя, коричневые калмыки, смуглыя горцы, черноглазыя армянки въ темныхъ платочкахъ съ

бѣлымъ кружевомъ, толстые персяне,—безпредѣльная и причудливая этнографическая смѣсь...

Но какъ ни разнообразны были мѣста, по которымъ шелъ поѣздъ, и люди, съ которыми я ѣхалъ, которыхъ видѣлъ на станціяхъ, какъ ни пестры ихъ интересы и профессии, чувствовался одинъ фокусъ, къ которому безотрывно обращалась мысль и вниманіе всѣхъ, который объединялъ людей самыхъ несхожихъ положеній, разныхъ классовъ, разныхъ языковъ и вѣръ. Въ осязательномъ видѣ фокусъ этотъ стремительно врывался въ вагонъ на станціяхъ въ образѣ озябшаго, шмурыгавшаго носомъ горластаго мальчугана въ картузишкѣ съ надорваннымъ козырькомъ.

— Экстренный птилиграмъ! Наши разбили турціевъ!

Въ красныхъ отъ холода рученкахъ — измятые листки съ явными слѣдами поддержанности и внимательнаго изученія.

— Давай сюда! Сколько?

— Пять копеекъ...

— Сойдетъ и за три!

— Сами по четыре плотимъ... вотъ не дай, Господи, съ мѣста сойти!

Мой сосѣдъ въ сивомъ треухѣ, толстомъ пиджакѣ на ватѣ и высокихъ калошахъ, оштукатуренныхъ кремовой грязью, роется въ кошелькѣ монументальныхъ размѣровъ, перебираетъ монеты. Сѣдые брови козырькомъ, приплюснутый носъ, сѣдая щетина на подбородкѣ, фигура сырая и грузная, очень смахивающая контурами на фигуру стараго бегемота. Экстренное время, экстренная телеграмма—приходится разоряться и ему, степному человѣку, вѣроятно, основательному и знающему цѣну копейкѣ.

Они долго сопутствуютъ мнѣ, эти дѣловые степные люди. Все народъ дюжий, завѣтренный, коричнево-смуглый, въ треухахъ и картузахъ на ватѣ, высокихъ сапогахъ и высокихъ калошахъ, — славныя русскія лица. Несетъ отъ нихъ несокрушимымъ здоровьемъ, ясностью мысли и великодушійной сметкой.

— Далече ѣдете?—непремѣнно спроситъ такой спутникъ.

— Въ Тифлисъ. И дальше, если удастся.

— По какимъ дѣламъ?

— А такъ... больше для любопытства.

— Можетъ, насчетъ сѣновъ? Есть сѣна не плохія въ нашихъ мѣстахъ... И цѣны сходственныя...

Изъ-за спинки дивана, отдѣляющаго насъ отъ другаго купе, выглядываетъ новый треухъ и освѣдомляется:

— А вы чьи будете?

— Съ Раздѣльной,—готовно отвѣчаетъ мой собесѣдникъ.

— Есть сѣна, говорите?

— Сѣновъ—прудь пруди.

— А цѣна?

— Копеекъ тридцать прессованное...

Треухъ выхватываетъ изъ кармана записную книжку, муслитъ карандашъ и прицѣливается что-то записать. Но вмѣшивается новый голосъ—изъ за моей спины:

— Да чего вы будете писать? Не знаемъ мы сѣна въ Раздѣльной? Очень отлично мы Раздѣльную знаемъ: тамъ сѣновъ—коть паплакалъ... Сѣна-то есть, такъ это на той сторонѣ. У моихъ братьевъ есть сѣна.

Мой собесѣдникъ хоть и задѣтъ, но, какъ человѣкъ дѣловой, спокойно и дѣловито спрашиваетъ:

— Вы—корольковскіи?

— Да.

— Корольки ваши сами, какісь, кочки сбиваютъ, ѣздятъ, ищутъ...

— Ищутъ... Извѣстное дѣло—ищутъ. Ниче кто дѣло дѣлаетъ, тотъ хорошо поработаетъ. А кто робѣетъ—тотъ трусь...

Меня, человѣка не дѣловаго, они скоро забываютъ и погружаются въ расчеты, соображенія и вычисления, въ которыхъ мнѣ далеко не все понятно и доступно: купить есть расчетъ и по такой цѣнѣ; но какъ продать? продать хорошо съ полнымъ вѣсомъ, а полный вѣсъ въ сѣнѣ будетъ, если его вспрыснешь съ толкомъ...

— Ежели помочить—оно совсѣмъ другой вѣсъ даетъ!

— Какъ помочишь! А то у насъ Иванъ Егоровъ помочилъ, а ему въ Новороссійскѣ всю партію въ море и выбросили...

— Умѣючи надо. На что-нибудь сказано: не умѣюч г... съ орѣхъ не съѣшь, а умѣючи—цѣлый фунтъ скушаешь..

Слушалъ я ихъ, глядѣлъ на эти славныя русскія лица и невольно проникался изумленіемъ къ безоблачной логикѣ ихъ соображеній, къ зоркости глаза и цѣпкости рукъ. Кажется,—пустыня кругомъ, оголенность, скудость. Безжизненная степь; коричневый бурьянъ, сѣдой, высохшій полынокъ, глинистыя кочки, безгранная равнина подъ гигантской сѣрой чашей неба. Сѣро и безрадостно, нѣмота безпредѣльная, горечь забытости. Но дюжие російскіе люди въ треухахъ и высокихъ калошахъ сумѣли проникнуть въ безмолвныя нѣдра этой сѣрой пустыни и найти источники питанія, разыскали скирды сѣна, гурты быковъ и овецъ, закрома съ зерномъ, прицѣнились, прикинули въ головѣ и—пустили въ оборотъ отечеству на пользу, себѣ не въ убытокъ...

Отъ дѣловыхъ разговоровъ изрѣдка отвлекались они и въ сторону политики. Но, покупая листокъ, всегда торговались съ мальчуганами.

— Яка жъ це екстренна телеграмма? Усе нахватаю зъ газетъ.

Шмурыгая носомъ, маленькіи газетчикъ увѣрялъ:

— Екстренная часовая!

Когда мой сосѣдъ, похожій на бегемота, вполголоса, спотыкался, прочелъ, что Германія уже нащупываетъ почву для мирныхъ

переговоры, трюхи всё дружно показали себя воинственными и непримиримыми.

— Воевать — не в бабки играть... Помиришься с нимъ, а онъ опять воцарится, бродяга этотъ...

По моимъ наблюдениямъ, самыми пылкими, беспощадными и рѣшительными въ вопросахъ одолѣнія врага были люди почти исключительно штатскіе, рѣже — военные изъ отставныхъ. Настоящіе военные — солдаты и офицеры — говорили о войнѣ просто, спокойно, сдержанно, о врагѣ — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда относились къ нему безъ послабленія, — отзывались если не прямо дружественно, то съ должнымъ уваженіемъ, безъ брани, безъ обидныхъ словъ. Можетъ быть, это былъ нарочитый тонъ — не знаю, но ни отъ кого изъ военныхъ не слышалъ я ноты бахвальства. Солдатская мысль охотнѣе обращалась отъ темъ воинственныхъ къ чему-нибудь будничному, маленькому, простому, — къ обстоятельному разсказу о яблочкахъ и грушахъ въ садахъ Галиціи, къ дикованнымъ молиткамъ въ хозяйствахъ Пруссіи, къ нѣмецкимъ рапцамъ изъ телячьей кожи, въ которыхъ въ изумительномъ порядкѣ уложены самыя разнообразныя съѣстные вещи:

— Понемножку, а всего есть: баночка съ консервами, баночка со спиртомъ, а то съ коньякомъ, баночка съ какао... Все!..

На какой-то большой станціи — не помню — глядѣлъ я на группу солдатиковъ, оправившихся отъ ранъ и возвращавшихся къ своимъ частямъ на передовыя позиціи. Я прислушивался къ ихъ бѣглому разговору, хотѣлъ уловить изъ него, что думаютъ, какъ чувствуютъ себя они, уже заглянувшіе однажды въ глаза смерти и теперь снова направлявшіеся въ сферу ея безпредѣльнаго владычества. Высокій пѣхотинецъ съ черными усами, въ черныхъ брюкахъ, выпущенныхъ изъ сапогъ, и въ новой шинели не безъ хвастовства разсказывалъ, какъ превосходно провелъ онъ мѣсяцъ въ земской больницѣ.

— Съ утра на перевязку сходишь, а потомъ хоть цѣлый день гуляй по селу...

Бѣлокурый, румяный солдатикъ, которому тоже хотѣлось хвастнуть и пустить чѣмъ-нибудь пыль въ глаза, сказалъ:

— А мы гармошку себѣ въ вагонъ добились... Законная гармошка!

Высокіи пренебрежительно фукнулъ.

— У насъ въ ротѣ шесть гармоньевъ было... На позиціяхъ, бывало, ахнуть — мертвый залящеть! Пошли въ бой — все къ черту побросали...

Та же черта будничной простоты, отсутствія воинственной рисовки бросалась въ глаза и въ офицерскихъ бесѣдахъ. Самымъ хвастливымъ моимъ собесѣдникомъ въ дорогѣ былъ толстый поручикъ мусульманинъ, раненый въ плечо и въ ногу. Мы сидѣли въ вагонѣ-столовой, и онъ говорилъ о своей нечувствительности къ

морозамъ, которою онъ изумлялъ сѣверянъ; въ двадцать градусовъ — лѣтнее пальто и никакихъ наушниковъ!..

— Жиромъ берете... природное топливо, — замѣтилъ капитанъ-грузинъ, сидѣвшій съ нами за однимъ столомъ.

Капитанъ, тоже раненый, имѣлъ въ петлицѣ георгиевскую ленточку. Двое сутокъ ѣхали мы вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ купе, въ компании пристава изъ Тифлиса, ѣздившаго на прусскій фронтъ за тѣломъ убитаго брата, и старика инженера. Переговорили о многомъ — о войнѣ, о перспективахъ ближайшаго будущаго, о внутреннихъ дѣлахъ и вопросахъ... И показалось мнѣ, что вошло что-то новое въ русскую жизнь: еще полгода назадъ такой разговоръ — безъ взаимной настороженности и оглядокъ, — неожиданно единомысленный и открытый, былъ бы, пожалуй, невозможенъ. Что-то было новое теперь и въ офицерскомъ обликѣ, внесенное именно войной. Не только во вчерашнихъ штатскихъ, надѣвшихъ офицерскій мундиръ, но и въ офицерахъ-профессионалахъ не замѣчалось и тѣни той кастовой отгороженности, которая въ недавнее еще время давала себя чувствовать порою такъ остро. Чувствовалось опрощеніе, какъ бы обмирщеніе офицерства, — можетъ быть, отъ слиянія съ народомъ, надѣвшимъ солдатскую шинель. И открыто выражалось признаніе главной силы за страной, настроеніе которой первѣе всего даетъ побѣду или пораженіе...

Капитанъ съ георгиевской ленточкой о войнѣ рассказывалъ просто, безъ прикрасъ и умолчаній. Былъ онъ три раза раненъ. Два раза возвращался въ строй, въ третій — пришлось вотъ ѣхать на поправку. Говорилъ объ ощущеніяхъ, которыя переживалъ въ бояхъ, о солдатахъ своихъ и солдатахъ нѣмецкихъ, о всей обстановкѣ и настроеніяхъ тамъ, въ сферѣ ежедневнаго и ежечаснаго ожиданія смерти...

— Страхъ есть, какъ не быть страху... То-есть мысль о близости смерти. Но это до той черты, пока есть время думать о постороннемъ, — а мысли о смерти — конечно, постороннія. А затѣмъ наступаетъ моментъ: некогда думать, надо соображать, дѣло дѣлать, глядѣть, слѣдить, подавать команду. Роту разсыплешь — она саженой на сто растянется, тутъ вниманія сколько надо! А не посмотришь, такъ половина и расползется кто куда... Тутъ о постороннемъ думать некогда. Но въ первые часы канонады испытываешь такую головную боль, что глаза смотрѣть не могутъ. Дѣйствуешь почти безъ сознанія, какъ автоматъ. Потомъ — часа черезъ два — боль стихаетъ, начинаешь видѣть, соображать, разбираться. Въ концѣ концовъ нервы одеревенѣютъ, работаешь, какъ на ученьи, чувствуешь голодъ, хочется курить и все прочее...

— Германцы, конечно, противникъ серьезный. Но представленіе объ ихъ неодолимости преувеличено. Оборудование превосходное — да... Предусмотрѣны малѣйшія детали — такъ... Солдатъ прекрасный, сознательный, храбрый — вѣрно. Однако, если пойдетъ

на перетяжку, пашь землячокъ переважитъ. Нѣмецкій солдатъ и нѣмецкій офицеръ по сравненію съ нами—сибариты. Мы и на-счетъ вшей равнодушны, и поголодаемъ хладнокровно, и никому въ голову не придетъ устраивать въ окопахъ висячую лампу, ставить столы, стулья. А нѣмцамъ трудно безъ этихъ атрибутовъ культурнаго быта. Сибариты!.. Первое время они даже обѣдать не изволили въ окопахъ—уходили въ деревню. Оставляютъ въ окопахъ часть роты и уйдутъ. Ну мы ихъ проучили. Выслѣдили, дождались обѣденнаго часа и бросились на окопы. Оставалось тамъ человѣкъ шестьдесятъ—всѣхъ перекололи. Съ той поры бросили ходить въ деревню нѣмцы...

— Техника, разумѣется, страшная сила. Но солдатъ тоже кое-что значить. А нашему солдату нѣтъ цѣны и нѣтъ сравненія. Въ смыслѣ пренебреженія къ опасности, къ смерти—это левъ. Не сочтите за фразу... У меня въ ротѣ дьячокъ есть, то-есть солдатъ изъ псаломщиковъ. Былъ онъ въ японской кампаніи, потомъ попалъ въ духовную часть, но какъ не штатный былъ призванъ и въ эту войну. Четверо или пятеро дѣтишекъ. Кажется, должно бы говорить чувство самосохраненія? Однако—нѣтъ... Не было еще ни одного опаснаго дѣла, въ которое бы онъ не просился охотой. И самыя трудныя задания всегда выполнить щегольски, артистически, — любоваться лишь. Имѣетъ всѣ четыре степени, и все таки, какъ рискованная задача, заявляетъ охоту... Вотъ. Я говорю именно о русскомъ солдатѣ и, пожалуй, болѣе всего о великороссѣ. Дьячокъ этотъ, впрочемъ, полтавецъ... Но великороссъ—какой-нибудь пермякъ или нижегородецъ—въ бою ведетъ себя, какъ на покосѣ: работаетъ до поту, въ извѣстные интервалы покурить, пожуетъ сухарь, перекрестившись, высморкается... побезпокоится о ротномъ:—„ты бы легъ, вашескобродіе! а то—не дай Богъ грѣхъ—намъ безъ тебя пропадать придется“...

— Одолѣемъ ли мы нѣмца? Думаю: одолѣемъ. Страна, народъ съ нами—вотъ въ чемъ наша сила. Я былъ и въ Японской войнѣ, помню: совсѣмъ другое было ощущеніе, другое настроеніе въ войскахъ. Какъ ни превосходна техника у нѣмцевъ, какъ ни хвалится Гинденбургъ нѣмецкими нервами, а въ смыслѣ выносливости имъ до насъ далеко, и техника у насъ не столь уже слаба. А о солдатѣ и говорить нечего. Видали моего денщика — Блинкова? Неказистъ? Два Георгія имѣетъ. Говорю ему: что ты не нацѣпишь ихъ?—„Да боюсь потерять“... Такъ въ карманѣ и носить...

Блинковъ частенько заглядывалъ къ намъ въ купе, безпокоился о баринѣ. Это былъ приземистый, бѣлобрысый солдатикъ, мужичокъ Царевскаго уѣзда, немножко косопалый, но проворный. Къ барину онъ относился заботливо, но съ отѣнкомъ независимости. Былъ грубовато-ласковъ, но иной разъ строговать.

— Сидѣли бы вы ужъ на мѣстѣ, вѣшескобродѣ, лучше дѣло-то. А то сорвешся гдѣ-нибудь...

Раненому капитану трудно было ходить. Блинковъ, очевидно, имѣлъ инструкціи отъ врачей и былъ правъ въ своей взыскательности. Баринъ отмалчивался.

И въ этой простотѣ, человѣчности отношеній между офицеромъ и денщикомъ опять чувствовалось нѣчто не вполне похожее на старое представление объ этихъ категоріяхъ. Новое ли что, иное ли сознание, подточившее старыя формы взаимныхъ отношеній, или условія тѣсноты и невольнаго уравниенія людей на полѣ смерти, совмѣстной нужды, одинаковыхъ лишеній, единой опасности, сблизили ихъ, людей разныхъ ступеней, уравнили въ пѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ повседневнаго обихода, — по это невольно бросалось въ глаза мнѣ, постороннему наблюдателю, привыкшему слышать и видѣть иныя отношенія къ „святой сѣрой скотинкѣ“...

Я не рѣшился бы дѣлать выводовъ изъ одного случая. Но за время соприкосновенія своего съ дѣйствующей арміей—правда, не очень продолжительнаго и въ непогихъ мѣстахъ,—я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ наличности этихъ трогательно—близкихъ, братскихъ отношеній между офицерствомъ и нижними чинами, этого уравниенія и опрощенія людей, несущихъ одно бремя тяжкое, одинаково стоящихъ передъ близкимъ вѣяніемъ смерти...

Приведу маленькую иллюстрацію.

Это было въ Азербейджанскомъ отрядѣ. Я обѣдалъ у коменданта Н-скаго гарнизона въ обществѣ мѣстныхъ офицеровъ, жившихъ вмѣстѣ въ тѣсномъ, убогомъ и грязномъ помѣщеніи стараго персидскаго караванъ-сарая. Но было весело въ этой тѣснотѣ, хозяева—милые, любезные, благодушные, обѣдъ — превосходный и даже—съ виномъ.

Пожилой денщикъ изъ ополченцевъ, въ старенькой гимнастической рубахѣ, подалъ борщъ въ широкой эмалированной чашкѣ. Старшій врачъ, брюнетъ съ густыми, строгими бровями, грузинъ, торжественно разливалъ вино по разнокалибернымъ стаканчикамъ и рюмкамъ. Денщикъ, прежде чѣмъ принять отъ прапорщика, разливавшего борщъ, тарелку для передачи, покосился на доктора, на бутылку въ его рукахъ, укоризненно покачалъ головой, крякнулъ и сказалъ мягкимъ теноркомъ:

— Спать предаетесь блуду...

— А ты бы, братъ Андрей, хоть бы при гостяхъ-то насъ не конфузиль,—сказалъ на это комендантъ.

— Слушаю, — съ грустью отозвался денщикъ и сталъ разносить борщъ.

— Это у насъ апостоль, — вполголоса въ промежуткахъ облаго разговора пояснялъ мнѣ докторъ, подмигивая въ сторону „брата Андрея“: — какъ вздумаемъ по юмкѣ вина пропустить,

онъ сейчасъ—„не предавайтесь блуду, вино есть блудъ“... Хорошій малый, честнѣйшій, исполнительный, но ужь насчетъ бичеванія пороковъ—бѣда!..

„Апостолъ“—худой, маленькій человекъ, въ рубахѣ, висѣвшей мѣшкомъ на его слабыхъ плечахъ, съ голубыми глазами и желтой бородкой, не имѣлъ вида грознаго обличителя. Въ глазахъ, во всѣхъ мелкихъ чертахъ его маленькаго лица свѣтилась одна благожелательность и доброта. Крутя головой, онъ не столько обличалъ, сколько скорбѣлъ.

.....

— Братъ Андрей,—обратился докторъ къ денщику, когда онъ кончилъ разносить борщъ и сталъ у двери:—ну, а если мы лишь по рюмочкѣ винца—неужели это грѣхъ?

— Читайте Писаніе, какъ въ немъ сказано,—мягко и серьезно отвѣтилъ денщикъ, держа руки по швамъ:—въ евангеліи все сказано...

— О винѣ въ евангеліи запрету нѣтъ,—пробасилъ комендантъ строгимъ голосомъ.

— Есть,—твердо возразилъ денщикъ

— Въ евангеліи?

— Такъ точно.

— А Кана Галилейская?

— Это надо понимать духовно. А въ евангеліи содержится прямое указаніе на вино...

-- Покажи!

— Сейчасъ.

Братъ Андрей быстро сдѣлалъ „налѣво кругомъ“ и шагнулъ въ дверь.

— Это, кажется, у апостола Павла, братъ Андрей,—даваясь отъ смѣха, крикнулъ прапорщикъ Матеусъ.

— Никакъ нѣтъ, въ евангеліи,—послышался изъ-за двери голосъ брата Андрея:—я сейчасъ...

Онъ что-то долго не появлялся. Мы тѣмъ временемъ выпили, закусили, поѣли прекраснаго солдатскаго борща и ждали переменъ. Но братъ Андрей не шель, и эти его продолжительные поиски за обличающимъ насъ евангельскимъ текстомъ давали обильную пищу остротамъ и веселому смѣху за столомъ.

— Нѣтъ, братъ, обгоришь!—торжествующе басилъ комендантъ, отламывая край лаваша:—этого въ евангеліи нѣтъ! Если самъ Христосъ въ Канѣ Галилейской... Это тамъ впоследствии апостолы что-то такое, а Христосъ радостей жизни не гналъ...

Наконецъ братъ Андрей показался въ дверяхъ съ маленькой книжечкой въ рукахъ, и въ сдержанной улыбкѣ его чувствовалось предвкушеніе несомнѣнной побѣды. Онъ протянулъ книжку коменданту:

— Читайте, ваше высокоблагородіе, отъ Луки стихъ семнадцатый...

Комендантъ взялъ книжку, подозрительно перелисталъ нѣсколько страницъ, осмотрѣлъ титульный листъ и даже переплетъ.

— Семнадцатый Луки? Гмм... — пробормоталъ скороговоркой комендантъ, чувствуя серьезность натиска. — „Да не отягчатся сердца ваши объяденіемъ или пьянствомъ“... мм... да... Это не то! — загремѣлъ вдругъ онъ, потрясая евангеліемъ.

— Это самое, — скромно, но твердо возразилъ братъ Андрей.

— Пьянствомъ!.. А мы что же, по-твоему, пьяницы? — грозно напиралъ на Андрея комендантъ.

Братъ Андрей снисходительно улыбнулся:

— Лукавить нечего передъ Духомъ святымъ. Тутъ все сказано. Читайте.

— Рюмку вина грѣхъ?

— Грѣхъ! — вздохнулъ братъ Андрей: — я самъ былъ пьяница и безобразный грѣшникъ, съ рюмки тоже начиналъ...

— А Кана Галилейская?

— Тамъ не сказано, что Христосъ пилъ. Сказано: претворилъ воду въ вино...

— Все-таки — въ вино!

— Это надо понимать духовно: не хотѣлъ разстраивать веселья...

— А ты вотъ разстраиваешь: рюмки не дашь выпить безъ упрека.

— А самъ въ Дербентѣ изъ бочки ливеромъ тянулъ для насъ, — вставилъ не безъ ехидства прапорщикъ Матеусъ, весь налитый смѣхомъ.

Братъ Андрей немножко какъ будто смутился и, отворачиваясь въ сторону, сказалъ:

— Я сплевывалъ...

— Ну, это и мы можемъ — сплюнуть...

Было, разумѣется, много забавы, веселой шутиivosti въ этомъ словопрени. Но порой оно разгоралось въ настоящій, серьезный споръ о вопросахъ, волновавшихъ и волнующихъ людей безпокойной мысли и совѣсти, — братъ же Андрей былъ все время серьезенъ и, если улыбался, то улыбался грустно, съ ласковымъ сожалѣніемъ, какъ прозрѣвшій отъ слѣпоты улыбается надъ блужданіемъ людей съ завязанными глазами. И видно было, что маленькій, щуплый, невидный человѣчекъ въ старенькой гимнастеркѣ, денщикъ, вырастаетъ въ глазахъ всѣхъ этихъ стоящихъ надъ нимъ людей, въ этой сферѣ, гдѣ разсуждать не полагается, а надо лишь безмолвно исполнять, служить, — вырастаетъ до уровня человѣка, завоевавшего какъ будто право на свою мысль, свое убѣжденіе...

— Ты не такъ, Андрей, понимаешь, — говорилъ послѣ жаркого комендантъ мягко увѣщающимъ тономъ. — Тутъ сказано: не отяг-

чай сердца... сердца!—погрозилъ онъ пальцемъ, —пьянствомъ, объядѣнемъ... А мы развѣ пьянствуемъ или объѣдаемся?

— Чтобы понимать, надо вѣру имѣть, —отвѣчалъ братъ Андрей, держа у живота груды собранныхъ со стола тарелокъ:—я вѣру возымѣлъ, и Духъ святой мнѣ указалъ, какъ понимать. Я такъ и понимаю, какъ Духъ святой мнѣ говоритъ...

— Да ты прими во вниманіе то!..—комендантъ опять загремѣлъ своимъ густымъ басомъ, волнуясь отъ сознанія своего полемическаго безсилія передъ непоколебимой убѣжденностью денщика:—писаніе говоритъ одно... Ну... одно?.. Почему же понимается-то разное?.. Потому что одинъ вѣрнѣй, а другой... ну, да... такъ себѣ... вкривъ или вкось...

— Не надо затемнять смысла... Мнѣ Духъ святой указываетъ, какъ понимать,—я такъ и понимаю...

Постепенно мы всѣ—поочередно и вмѣстѣ—вовлеклись въ споръ съ братомъ Андреемъ. Незамѣтно отъ первоначальной темы о виноиствѣ перешли къ другимъ вопросамъ, къ сложному узлу противорѣчій, отягчающихъ жизнь скорбями и грѣхомъ. Всѣ мы были рационалисты, съ ущербленной вѣрой, съ сомнѣніями и критикой—правда легковѣсной и поверхностной. Братъ Андрей былъ рационалистъ вѣрующій. Вооруженный Писаніемъ, онъ отражалъ наши доводы легко и спокойно, съ сдержанной улыбкой увѣреннаго превосходства... Не разъ онъ дѣлалъ „налѣво кругомъ“, выходилъ за дверь съ своимъ Новымъ завѣтомъ, отыскивалъ гдѣ-то тамъ нужный ему текстъ и, появляясь, говорилъ съ улыбкой:—извольте прочесть стихъ такой-то...

Поле состязанія осталось за нимъ,—его противники, хоть и не были убѣждены его доводами, махнули на него рукой.

— Все равно, не переубѣдишь,—сказалъ комендантъ.—Давеча утромъ печку растапливалъ здѣсь. Вошелъ я—смотрю: что-то заспѣшилъ онъ, захихиваетъ въ печку и все оглядывается. Это не спроста,—думаю.—Что это тамъ у тебя?—„Мусоръ“.—Ну-ка, погоди, я погляжу.—„Да это мусоръ“... И сейчасъ чиркъ спичкой!.. Подошелъ я и ужъ изъ огня вынулъ—полфунта табаку!.. Вотъ вѣдь какой мироѣдь!..

Въ тонѣ офицера—большого, суроваго на видъ, постоянно носящаго въ карманѣ и въ головѣ уставъ, привыкшаго кричать и командовать,—сквозь налузжную суровость слышалась теплая потка. Человѣкъ въ командирскомъ мундирѣ почему-то рѣшилъ забыть о своемъ старшинствѣ, власти и широкихъ возможностяхъ воздѣйствія... Добровольно принялъ иго изъ побужденій, уставомъ не предусмотрѣнныхъ и традиціонной практикой не освященныхъ...

Почему? Потому ли, что на чужой сторонѣ это было, гдѣ чужіе люди кругомъ, говорившіе на непонятномъ языкѣ, смотрѣвшіе загадочно и выжидательно, сблизжали своихъ тѣснѣ другъ къ

другу? И впереди, въ какомъ-нибудь десяткѣ верстѣ стоялъ численно превосходный врагъ, который одинаково всёмъ сулилъ смерть? Или обстановка войны, гдѣ мѣсяцами не получалось вѣстей изъ родного края, отъ близкихъ и любимыхъ, гдѣ сѣрая тоска неизвѣстности одинаково держала въ тискахъ сердце офицера и сердце солдата, гдѣ одинаково знобилъ ихъ морозъ на перевалахъ, изводила грязь въ низинахъ, одинаково ѣла вошь,—эта обстановка уравнила, сдѣлала братьями всѣхъ?.. Не знаю.

Ө. Крюковъ.

Осенью.

Бѣлый тополь свое серебро
Уронилъ на дорогу.
Ранить душу звукъ каждый остро,
Злую будить тревогу.
Выйдешь утромъ... Не свѣтъ и не мгла...
Въ небѣ крикъ журавлиный.
Съ крыши каплетъ, трава полегла,
Дымомъ пахнутъ овины.
Но мнѣ миль этотъ горестный видъ,
Увяданя шорохъ,
Эти голыя вѣтви ракичь
Въ паутинныхъ узорахъ.

Леонидъ Б.

СОЛДАТЫ.

Наброски.

Я помню солдатъ половины шестидесятыхъ годовъ. Рядомъ съ нашей ученической квартирой, противъ городского вала каждое утро шло учение молодыхъ солдатъ и по дорогѣ въ училище мы всегда подолгу останавливались, чтобы посмотрѣть эволюціи, которыя они продѣлывали. Эволюціи были не сложныя—стоять въ строю, держать прямо голову, вытягивать носки и маршировать на короткомъ разстояніи, между заборомъ и валомъ, по учению, очевидно, было трудное. Тогда было милютинское время, солдатъ уже не били, но пахучія слова носились въ воздухѣ и когда учение оканчивалось, солдаты были въ поту, какъ послѣ тяжелой работы. Проходилъ май, июнь, а ученье все продолжалось и офицеръ все кричалъ, чтобы не выпячивать животъ, чтобы не расходились врозь колѣнки.

Словно эти деревенскіе люди были связаны по рукамъ и ногамъ и не могли и не умѣли развязать себя. Казалось, короткія владимірскія ноги, привыкшія ходить по лѣсамъ и болотамъ, перескакивать по кочкамъ, никакъ не могли отвыкнуть отъ своей развальной, осторожной походки и припрорваться къ вытянутому въ струну, однотонному военному шагу.

Николаевскія времена кончились, но живы были еще николаевскія традиціи и по-старому, по-давнему стоялъ солдатъ въ жизни, и по-старому относилось къ нему населеніе. Онъ былъ „отрѣзанный ломоть“, только солдатъ. Было жалѣніе солдата и имъ же дѣтей пугали: погоди, солдатъ придетъ! И слухъ, что появился въ лѣсу бѣглый солдатъ, приводилъ въ волненіе округу, а хозяйки трепетали, когда слышали о солдатскомъ постоеѣ, и убирали утиральники, чтобы они не очутились онучами на солдатскихъ ногахъ. И пѣли тогда солдаты „Черную Галку“ и другія пѣсни съ такими словами, отъ которыхъ женщины затыкали уши и закрывали окна. Солдатъ былъ еще тогда въ самомъ низу общества и не было тамъ прослойки другихъ классовъ; солдатъ это зналъ и чувствовалъ и не вхожъ былъ тогда, какъ теперь, въ приличныя мѣста. Лежала глубокая пропасть между солдатомъ и офицеромъ и у меня

Отдѣлъ II.